

© Алексей Павлов **«ОТЦОВСКАЯ НОЧЬ»**
Рассказ из 1-го тома сборника короткой прозы
Из цикла **«Отцовские повести»**
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство фонда **«Сталинград»**
Москва 2017

ОТЦОВСКАЯ НОЧЬ

...

Все чаще и чаще я ловлю себя на мысли, что отношусь к тем бездушным людям, которые в детях детей все реже видят.

В затыжном характере извилистая дорога по две полосы в каждую сторону – улица Нижние Мневники, соединяющая районы Хорошево-Мневники и Кунцево. Ночь. Глубокая ночь, летняя. Еду медленно, едва ли качусь в безмашинном направлении, навстречу изредка мелькает пара фар. Минут через пятнадцать хода легким накатом появится Гребной канал, заложенный в год моего рождения, затем мост под Рублевским шоссе, и скоро я приехал. Знаю каждый метр этого пути. Сложилось так, что ездил здесь я изначально, прямо с первого авто, что приобрел. Затем пересел на скромную БМВ, и опять здесь гонял туда-сюда. После на БМВ получше, и так до представительского класса.

И вот, качусь на этот раз на «семерке», только жигули. Окно открыто, погода теплая, шуршат протекторы, в руках тлеет сигарета. Дотлела, когда прошло еще лет десять, ровно столько, сколько не курю, а может, и побольше. На дворе год четвертый или пятый от пришествия царя.

Затем, когда немного оклемался и в бесконечный раз поселился в Кунцево, стал опять ездить этой дорогой, пересев,

наконец, с ваз-автопрома на пром зарубежный. Простите, здесь я не патриот и вряд ли когда им стану.

Если выдавалась теплая летняя ночь, то опускалось окошко крошки мерседесика, резко сбрасывался газ, сигареты давненько все дотлели. Через год-другой опустилось стекло здорового и мощного дивана под названием «Ниссан-Максима», а только вот сейчас, в эту ночь вновь теплую и летнюю, приятно шуршит любимый БМВ, увесистый, воздушный, стремительный зверек с мягкими, но дерзкими тигриными замашками.

Почему я так часто езжу этой дорогой? Уже не помню или лукавлю. Почему так начал ездить когда-то давно, помнить не желаю, потому забыл. Продолжил – о! это счастье! Не личное, больше.

Беда? Нет, затем случилась не беда. Жизнь, во всей ее красе. Но не хуже, чем у других, правда, восприятие со многими не совпадает.

В последующие годы вышло все случайно и одновременно закономерно, я снова поселился в Кунцево и езжу в тот район Октябрьского поля на определенную улицу к определенному дому. Можно бы уже давно забыть этот адрес, и доведись здесь жить женщине, некогда безудержно любимой или еще что-то в этом скучном духе, и дом, и улица уж как век назад стерлись бы из памяти. Помню, как-то сказал:

– Если ты меня оставишь, я буду страдать невероятно долго, – и тише добавил, чем крайне возмутил: – с полгода.

– Ты невероятный циник, Олег!

А кому сказал, уже не помню. И не лукавлю. Кому и что мы только ни говорим в забот лишенную, веселую мятежную эпоху.

Но этот адрес позабыть нельзя, невозможно позабыть. Добротная сталинка, удалена от дороги, тихое местечко, во дворике площадка. Для детей. И лавочки для забулдыг, когда стемнеет.

Ближе к ночи выехал из офиса. Через минуту – площадь Белорусского вокзала, через полторы – Ленинградский проспект. Будет. Не доехав до него, я припарковался и, выйдя из машины, проследовал в магазин, который закроется через пять минут. В ушах приглушилось, чтобы не слышать очередной результат детей девяностых, оружий не громко, но бастующий принципиально до противности. От роду «результату» хорошо если лет семь.

– Я сказала, замолчи! – моложавая мамаша, покупающая тонкие сигареты и баночку пива, между делом еще что-то из съестного.

Куда там, замолчит он! Держи, мамаша, надежду шире и разум взаперти. Принялась ты успокаивать и убеждать, а твой потомок – в большой раж и вот уже лежит на полу и дергает ногами. Фу, какая мерзость! Терпеть не могу этих детей! За мной стоят еще пару граждан, один сожалеющий что-то лопочет – врет, паразит, по морде видно даже без очков, другая охает: ах, как же так, такой хорошенький, такой замечательный малыш, – а в глазах даже засыпающая кассирша из братского -стана с легкостью читает: «Как дать бы тебе, гадёныш! И мамаше твоей заодно!»

В салоне БМВ тихо и комфортно, из аудиосистемы – приятный голос неизвестного чтеца, исполняющего на родном английском очередную часть душераздирающего произведения Джека Лондона «Мексиканец». Душа рвется незаметно, голос без надрыва и излишнего театра от модных «мастерских». Спокойный голос, но, не выдержав, я притормозил. Промотал назад, вслушался еще раз – ужас! Нет, не жалься надо мной, судьба, я счастливый человек! Однозначно сейчас бы закурил, если бы курил. Переключив на новостное радио – о, здесь все, как всегда, прекрасно, экономика на взлете и мы невиданная мощь, надо только верить нашим соловьям, надо только верить, что... Что мне еще напоминает установка сия? Но не действует. Я быстрее поверю в невиданную мощь страны, за которую обидно уже не так, как

в прежние годы, возможно, я и ошибаюсь, но сейчас не суть. Под новости, которые хоть как-то ободряют – вспомнили, как делать, а не освещать, – я не заметил, как свернул на Алабяна – быстро долетел. Но здесь убавил ход, сильнее замедлился, метро «Октябрьское поле», еще пару остановок и поворот на светофоре, скорость пешехода, «Мексиканца» отключил.

Я бы мог поехать и другой дорогой, обычно так и делал, но сегодня даже не заметил, как выбрал этот путь. Сообразил после, гораздо позднее, вспомнив:

«Сынок, вам понравились новые телефоны?» – был мой вопрос в популярном мессенджере.

Тишина в ответ и на следующий день. Свинтус, а не сынок и остальные. Телефоны не дешевые, но дело вовсе не в деньгах, подобраны от всей души. Обиделись детки на отца, не понимают, что отец – это неудачный объект для обид. Не понимают, что это я на них обиделся за то, что не поздравили меня в день рождения, даже не позвонили. Ох, ах, как кто-то скажет, ничего страшного, это же дети! Наивные глупцы, тем более что это дети! Откуда же потом такие взрослые берутся? Не из детей, что ли, способных проигнорировать поздравление отца? Хорош отец? Не вам судить и уж тем более не деткам. Пусть сначала вырастают, на жизнь полюбуются, огребут от нее, выстоят и сами чего-то добьются, после решают и делают выводы. Вершина родительской глупости – это позволять себя судить и даже осуждать собственным детям, становиться с ними в один дружеский ряд на равных. На равных не получится, выходит только: «Хочу это! Хочу то! А не дашь, я сейчас!..» – и начинается вам и то, и это, и навыверт. А старший дженерейшн, извиняюсь, родители которые, уповают на их разум и логику: «Понимаешь, так нельзя! Дорогая, не плачь, мы не можем это сейчас купить!» И тут же вам: «Хочу!» – «Ну, успокойся, прошу тебя!» – это вместо того чтобы морально так всыпать. Бить детей нельзя ни при каких обстоятельствах. Взрослых деток часто сечь нещадно нужно, хоть уже и поздно, особенно когда они пенсию пожилой матери пропивают, привыкшие к «Хочу!

Дай!»). Потому в этом вопросе я деспот и никак иначе. Порой терпеть не могу я этих детей!

Деткам своим высказал при встрече жестко, что они не имеют права забывать день рождения отца, матери, бабушки и т.д. И дело вовсе не во мне, на моем месте мог бы быть иной отец, возможно, лучший. В них дело. И только в них. И им обязательно в свое время нужно будет добиться к себе уважения со стороны уже их детей, чтобы не вышло как обычно: пожилые старики месяцами ждут деловых отпрысков, когда те найдут часок, чтобы навестить тех, кому всем обязаны. Не находят. А когда находят, только и слышишь: «Пап, некогда! Мам, ты ничего не понимаешь, сейчас другое время!» Даст мне бог дожить до трижды седых волос, я за такое «не понимаешь!» прямо с порога разверну с парой добрых напутственных слов.

Но, видимо, потому как моя голова имеет на сегодняшний день седину неприметную, детки мои и в новый год отца проигнорировали. И на следующий день рождения, на что получили полностью ответную реакцию, исключая подарки. Подарки детям дарить нужно, и я их передал. Передал в первый раз, на что получил сообщение, которое обрадовало меня до небес: «Пап, спасибо огромное! (*море восклицательных знаков и прочих значков современного препинания*) Это просто супер!» Мой ответ был более сдержанным и содержательным: «Не стоит, сынок. Я рад, что тебе понравилось. Но только зря ты, вы забываете о моем дне рождения. Не имеете права. Нельзя игнорировать старших». У сына проснулась совесть, и он ответил: «Прости, пап». Я почувствовал, как искренен он был, как сожалел, и сам его пожалел: «Сынок, запомни, младшие уважают старших. Вырастешь, требуй уважения к себе, к сестрам, братьям. Требуй и объясняй, но не проси. Не допросишься никогда!»

Сын мой понял, но вскоре позабыл. Он в этом не виноват, а точнее, не он этому вина. И потому сегодня, когда я мог поехать другой, более привычной дорогой, я написал ему, когда в этот год они даже не отреагировали на мои

подарки: «Сынок, вам понравились новые телефоны?» И лишь после настоятельно повторенного вопроса в строгой форме получил скупой бесчувственный ответ: «Да», – который переводился однозначно и только так: «Отстань». Кто-то скажет, ищите причину в себе, но пошлю этих кого-то, меня совершенно не интересует мнение извечных умников, а точнее попугаев древних мудрецов. Хорошенькая пьеса для театра современной постановки: случается что-то, сидят обе стороны, и каждая изыскивает причины в себе, забывая, что порой надо взять и вклеить прямо в глаза оппоненту реальность, чтобы не думал, что другие ничего не видят. Как я сам однажды сказал: «Свинья должна помнить, что она свинья, и ей об этом нужно постоянно напоминать, а то еще забудет».

Растут детки, паспорта получают. Рановато. Ремня б еще не помешало, а паспорта бы обождали.

После метро «Октябрьское поле» я замедлился и до светофора шел накатом. Свернул направо – скорость пешехода. Остановился возле сталинки. Но когда это все было? Много лет прошло, даже не столько лет, сколько спрессованность событий, потому и ощущение лет, не меньше целой жизни.

Машины покидать не стал, не захотел, уверенно развернулся, снова запустил «Мексиканца» и покатил домой. У каждого свой дом, у некоторых, подобных мне, он по полжизни переездной, порой и больше.

Но детище Лондона слух не воспринимал, разум в чужеземных изречениях думать не желал. Что ж, вспомним о своем в эту тихую летнюю ночь по пути через Нижние Мневники в сторону Кунцево.

А что, собственно, вспоминать? Еще недавно вспоминалось все, что можно, и до самых мелочей, теперь же все больше думаю о деле, о делах, коммерческих и прочих. Приучил себя так думать. Раздражаться стал на мир, а чтобы сей неприятный процесс не зашел слишком далеко, и уж не приведи бог не вышел из-под контроля, от мира стал

уединяться, закрываться. Очень люблю людей, особенно тех, с кем не знаком. С кем иначе – напротив, любви все меньше, вместо прямых поздравлений цинично стал передавать приветы, а некоторых и в этом игнорирую.

Ехал долго. Думал. День рабочий в памяти крутился. Утром в префектуру ЦАО по району, не важно, по какому району, в принципе. Прокуренный кабинет чиновника, мужик жесткий, но строго в сетке полномочий, со мной приветлив и хитер. Сказал, что дело, по которому он хотел со мной встретиться, очень хорошее. Настолько хорошее, что после встречи позабыл. И я очень рад. Соблазн велик, коли бы не так, но только если что, они-то в сетке, где соседние ячейки обязательно помогут, чтоб самим не потонуть. А мы, такие, как я, люди гордые и независимые, двоечники и троечники со школьной скамьи, поэтому чужих указов и распоряжений не приемлем. Вот время от времени на нас и стараются сеть набросить. Благо, не часто получается, но тьфу-тьфу, как говорится, смотрим в оба и не засыпаем до тех пор, пока не разгадаем, что в реальности желал сокрыть за пафосностью приветливых фраз сегодняшней чиновник из префектуры.

Помню, вышел, последовал в машину, со мной шустряя мадам пенсионного возраста и управленческого характера, потому по сей день при делах, возглавляет Совет... хороший Совет, нужный и даже святой, только вот было бы лучше, если б возглавлял его кто-нибудь другой, чуть менее шустрый.

– Вы на машине, Олег Владимирович?

– Да, садитесь, подвезу.

Когда сели и поехали, мадам все больше жаловалась на свою дочку, которая совершенно неправильно воспитывает внучку. И то ей не разрешает, и это не позволяет, совсем затюкала ребенка, хорошо, что сейчас внучка у любимой бабушки и здесь творит все, что хочет.

– И много хочет? – поинтересовался я.

– О! У меня на все ее желания и на один день пенсии не хватит!

– Отказывать не пробовали?

– Да как же! Вы молодой еще, вот станете дедушкой...

Она что-то продолжила из мотивов, мне совсем не интересных, но у меня было свое завершение фразы: «И внуков выставлю к лешему, если попробуют дурдом устроить. Или работать заставлю, чтобы вечером с ног валились от усталости, а не от капризов».

– Так как насчет такой позиции? – спросила мадам, возглавлявшая Совет, наивно полагая, что ее позицию я внимательно выслушал.

– Не знаю. Видите ли, мне эти дети... того, не интересны. Извините. Мы приехали, вот ваш дом.

– Дети не интересны? Вы хоть понимаете, что говорите? Нет, я вам определенно не верю. Вы совершенно не такой человек!

– Правильно. До свидания.

– Хм...

Тут же вспомнилась, когда сейчас катил по ночной плавной заворачивающей трассе, дневная встреча с одной сотрудницей, не важно какой. Я вышел из офиса и пошел в направлении ближайшего кафе, там готовили неплохой кофе.

– Ой, здрасте!

– Добрый день.

– Это моя дочь!

Я опустил глаза ниже и увидел, что мамаша держит за руку вполне приятный на вид кубик девичьего возраста.

– Котенок, поздоровайся с дядей! – сотрудница хотела, чтобы ее чадо выросло достойным гражданином большой страны, но совершенно не помнила, что для этого надо усилия прилагать, а не уговоры.

– Не хо-чу... – чванно протянул кубик, и будь он взрослым параллелепипедом, вызвал бы неприязнь со стороны других зрелых фигур.

– Это моя дочь! Ее зовут...

– Да мне все равно, как ее зовут, – сам для себя неожиданно ответил я сотруднице, а заодно напомнил, чтобы

долг фирме погасила немедленно, пока не выгнали. И ушел пить кофе.

Наивно полагать, что я обиделся на ребенка. Боже упаси от такой глупости человеческой мысли! Пухленькое чадо мне было действительно безразлично, я от души желал ей в жизни огрести за свои капризы чуть меньше остальных, а мамашку ее в скором времени выгнал. За чрезмерные капризы и необузданную хитрость.

Я катил дальше, скоро уже и Гребной канал, как возрос сюжет из дня предыдущего, когда я в том же кафе решил пообедать. За соседним столом сидела парочка. Они не парочка, просто вместе где-то работают, здесь обедают, а заодно и присматриваются друг к другу – может, рискнуть «на парочку», так, меж делом и обедами.

– Представляешь, мне мой тут как-то заявляет, что женится только на той, у которой большая квартира. Наша ему, видите ли, маловата.

– У! – жевал претендент на скорые утехы. – А сколько уже твоему?

– Тринадцать.

– Совсем взрослый. По тебе не сказать!

– Спасибо, проглотила.

– Взрослый уже! О жизни думает!

– Ага! О богатой невесте!

– А сейчас жизнь такая! Мой вон говорит, ему чуть меньше, что приведет невесту к нам домой, потому что у него есть своя комната. Черт, мне жена-то до чертиков уже, а как подумаю, что не за горами время, когда еще одна баба дома появится, вешалка сразу!

Дальнейший их разговор я не слушал, лишь уловив пару все объясняющих взглядов от мужской особи в адрес женской, как та наигранно потупила размалеванные глазки, отвечая ими: «Всё может быть, если...»

Что там «если бы», мне без разницы, мои «если» были гораздо интереснее, и в них были красота и изыск, фантазия и

полет, а не спешно жующие особи. Исключая одно, разумеется, на чем не я погорел, но... но нет, сор из избы не лучший выбор, лучше самому из такой хаты. Я подумал, вот если б мне кто-то из моих деток такое заявил. Однозначно выставил бы прямо с невестой, дав отцовское напутствие: «В добрый путь, детки дорогие! А я со своей супругой на старости лет хочу спокойно читать по вечерам книжки на французском языке, смотреть англоязычные телеканалы и засыпать в тишине и уюте, зная, что день в работе выдался успешным. Желаю и вам достичь того же. И чтобы вам в этом получше помочь, примите-ка хорошего отцовского пинка! Будет голодно – накормлю, холодно – согрею, но жизнь свою устраивать вы будете сами. И не кривите губки, пока не добавил! Постареете, тогда и выводы делайте. Ступайте, жизнь вас ждет во всей красе!»

Мне жутко интересно, что сказала бы спутница моего сына. Здесь только два варианта: или она делает «фи» и уходит, это лучший вариант с такой кралей, или же говорит, что ничего, главное – ты рядом, мы сами всего будем добиваться. Я бы поздравил сына и сказал, чтобы он берег такую девушку, а сам бы подумал, что надо внимательнее присмотреться, вдруг она не хитрит. Такое еще нередко случается в мире прекрасных половинок, по себе знаю.

Хм, помню, как-то однажды, ближе к вечеру, встал в торговом центре в очередь из трех человек, дабы выпить свежавыжатого сока. И что это всех на фреш потянуло, прямо когда я подошел? Зазвонил телефон, взял трубку. Очередники услышали примерно следующее: «Да... конечно... ну, давай после экзаменов и обсудим... Что?.. Поспорь мне еще с отцом!.. Нет-нет, все хорошо, у меня отличное настроение. Чихаю? Ерунда, что-то аллергия немного разыгралась, наверно, на хлорку в бассейне. Ну, пока!.. Конечно-конечно, и я тебя!» Очередники посмотрели на меня как на ненормального, их поразила столь резкая смена моих интонаций, мне стало даже неловко. Но неловкость тут же

прошла, мне налили пол-литра отменного сока, выпивая который я едва расслышал в свой адрес тихое: «Ну и папаша». Мне так захотелось крикнуть им вслед, что у меня еще портрет Сталина в кабинете висит, но я их пожалел.

Странно, та же дорога, тот же путь от улицы Народного Ополчения в сторону Можайского шоссе, летняя ночь, почти безмашинное направление по ходу движения, более частые фары навстречу, нежели лет десять назад. Скорость на минимуме, БМВушка недовольна, порезвиться ей хочется, но я давно уже не гоняю. Странно, что мысли мои не как всегда, не как десятки, а может, уже и сотни раз до этого – иные. Обыденные мысли, все больше о делах. А тогда?

Едва дышал, не знал, как жить, как существовать. Хотел запить, да разве ж можно? Годы, проведенные на борцовском татами, и родная мать поддержали, чтобы не упал совсем. А после наша реальность стала и мать душить в лице пары озверевших банков, решивших выселить ее из дома на улицу не за хрен собачий, простите мне мой литературный. Но это иная тема, и ее в свое время я не обойду, не забыв имен и известных вывесок. Пусть после только рискнут упрекнуть в клевете. В судах я лоб набил изрядно, разобью и им, даже руки до сей поры чешутся. Но нет, разочаруйся, Олег Владимирович, не будет схватки, эти банки уже в нокауте, их лицензиям государство сделало ту-ту и помахало ручкой. Я бы сказал спасибо родному государству, если б такое же ту-ту оно неожиданно не выписало банку, где лежали средства моего благотворительного фонда. Невелики средства для столицы, пара сотен тысяч с небольшим, но обидно, черт возьми! На нас денег не осталось, и вместо спасибо я помахал в тот год ручкой государству и дал кое-какие распоряжения бухгалтерам, пусть поломают голову для нашего ту-ту. Молодцы бухгалтера, пришлось им даже премию выписать!

Ну что ж, вот и Гребной канал, дальше подъем, я утопил слегка педаль, кошка-БМВушка вмиг озарилась и внеслась на одном дыхании, мгновенно положив стрелку за сотню. Сам себя пожурил и сбросил газ. По прямой ехать не стал, повернул на мост направо, на Рублевское шоссе и сразу же ушел на дублер. Притормозил возле дома девяносто один, где от ресторана «Бомбей» остались только стены, за которыми когда-то жила родная пятиэтажечка, и там был рай и обитал мой друг, не меньше чем брат, Гена. Нет уже давно ни Гены, ни пятиэтажки, остались только стены «Бомбея» и заправка «БП» напротив, куда я и заехал подкормить пантерку.

Нет, сегодня не мой день. Или в стране стало слишком много отвязных детей, или безмозглых родителей из потерянного поколения – а я думал, что это вымысел, – или сегодня не мой день. Допускаю, что моя крыша с годами едет, но не рановато ли? Как выкаблучивалось очередное дитяtko при модной разодетой мамочке, кикиморе перенакрашенной и обклеенной бровями и ресницами, я смотреть не пожелал и прошел в другую кассу. Но и там терпение оказалось на пределе, потому что дитяtko, дитя Рублевки, входило в раж.

– Леший бы побрал этих детей, и кнут – таких родителей, особенно среди ночи! – в голос сказал я, забирая чек. Кассир за стойкой понимающе улыбнулась. Хоть это приятно.

Поставив пантеру на стоянку, перекинувшись парой слов со сторожем, я задержался на какое-то время возле теплом дышащих ноздрей машины, о чем-то продолжая вспоминать. Поднял вверх глаза и увидел, что в доме напротив на самом верхнем этаже в паре окон горит свет. Но мне нет никакого дела до этих окон. Сейчас нет. А тогда?

Я вдруг вспомнил. Тогда едва дышал, не знал, как жить и как существовать, и этот свет в паре окон верхнего этажа той сталинки, возле которой получасом ранее выйти не пожелал. Уже лет шесть или восемь как окна те чужие, там больше нет родных душ, они в другой квартире, но осталась часть моей... души.

Тогда, лет десять назад, хм, уже чуть больше, на том замшелом жигуленке, после ненормированного рабочего дня и полного отсутствия выходных, я часто приезжал, останавливался, выходил из машины, закуривал и смотрел. Шесть этажей выше, на последнем, седьмом, горел приглушенный, хорошо знакомый свет. Поздно уже, но мои малыши почему-то не спят. Так нельзя, они должны ложиться вовремя, но разве ж в этом в те годы была проблема? Нет, она была в ином.

– Па-па!..

Нет, я не хочу вспоминать. Не хочу даже думать о том, как дети становятся орудием для расправы в угоду собственным амбициям и маразму взрослых.

Я стоял тогда возле жигуленка с перегретой мордой и учился жить, скажу жестоко, я учился быть бесчувственным, учился быть равнодушным к детям, даже к чужим. Да-да, я не оговорился, даже к чужим. Своих пожаришь, чужих пожалеешь. Я смотрел вверх на окна и ждал, когда потухнет свет, и только тогда минут пять спустя уезжал, зная, что теперь смогу уснуть. Очень важно было уснуть, потому что завтра снова нужны силы и очень много. Эта гонка вышла затяжной. По сей день я еще не остановился, несусь как ненормальный, все больше и сильнее удаляясь от прямого контакта с миром людей. С миром детей.

Мне казалось, что я сейчас стою там же, возле сталинки, возле жигуленка, и смотрю вверх на окна, где вот-вот погаснут огни и детишки лягут спать. В этих окнах, напротив стоянки, я не знаю, кто, и мне, признаюсь, безразлично. В тех же засыпали мои чада и видели сны, красивые сны, я знал, что они их видели, мы вместе их смотрели. В этих снах они прыгали и смеялись, то и дело споря и визжа за первенство забраться на руки к отцу, и кричали: «Папа! Папа-папа!..» И снова смеялись и бесились, как котята. У меня много подобных видеороликов, и фото осталось достаточно, когда-нибудь они их увидят. Много, но слишком мало, если посмотреть, как мало годиков в их жизни продлилось такое счастье. И в моей заодно. Но я – это другое. Я – не страшно, выстою, уже

выстоял. Ведь стою же сейчас здесь на стоянке столько лет спустя, жив и здоров, по-прежнему спортивен, для своего возраста даже более чем, у меня есть деньги и успех, пока маленький, но я верю в большой, обязательно его вырву. Но деткам не дам. Пинка я им дам, чтоб не засиживались! Вот только разума немного наберутся, тогда держитесь, чада мои! Вы еще узнаете своего отца, как я когда-то своего, которому до конца дней своих буду поклоняться. Его большая фотография в рамке под стеклом, где он в строгом костюме с уверенным взглядом держит на руках своего полугодовалого сына, всегда находится сбоку от моего рабочего стола. Он моя опора, отец – моя защита и даже сейчас, чуть больше десяти лет как его уже нет.

Примерно десять лет назад я выбросил докуренную сигарету, заметив, что в окнах свет погас, пожелал спокойной ночи малышам, сел в жигули и уехал спать.

Я выстоял еще один день, смог продышать еще одни сутки, у меня получилось прожить эти двадцать четыре часа и даже что-то по мелочи заработать. Завтра завезу эти деньги няне, а еще через год получу суровое судебное обвинение за неуплату алиментов. Едва выкручусь. Но выкручусь. Дети исчезнут. Я их найду, поставив на уши в том числе и столичную милицию района Хорошево-Мневники, за что получу уголовное обвинение в клевете и ложном доносе. Выкручусь и на этот раз.

Господи, у нас великая страна, и даже я в это верю, но в ней слишком часто нужно не делом заниматься, а выкручиваться! Слишком часто! Моя будущая японская жена скажет, что Россия уникальная держава, где люди после любых испытаний могут такое, что даже прогресс страны восходящего солнца меркнет на фоне наших достижений. И права моя русская и последняя, единственная и, помоги судьба, счастливая жена, которая на любые потрясения и жизненные диссонансы попросту молчит, понимающе молчит, и столько глубины во взгляде этой русской женщины.

Она даже молчит и едва заметно улыбается, будто по-доброму насмехается, когда я в очередной раз где-то брошу: «Опять эти орущие дети! Пойдем, дорогая, не могу это слышать!»

Мне показалось, что я только что бросил докуренную сигарету, но нет, это было где-то десять лет назад. А сейчас я неспешно выходил со стоянки, и меня совершенно не интересовало, потух ли свет в чужих окнах и засыпают ли там чьи-то дети. Достав телефон и заглянув в одну из популярных соцсетей, с грустью обнаружил, что опять мой сын отца проигнорировал. Хм, да еще и фамилию в интернете изменил, вот как настроили мальчика моего. Он уже взрослый, но такой еще глупый, о чем поймет лишь годы-десятилетия спустя, и он снова орудие личностных амбиций и неудач. Не моих на этот раз.

– Сынок ты мой маленький, – тихо и тепло произнес я и уверенно удалил его из круга друзей.

Приблизившись к подъезду дома, снова поймал себя на мысли – видимо, я больше отношусь к тем бездушным людям, которые в детях детей не видят.

Конец

© Алексей Павлов «**ОТЦОВСКАЯ НОЧЬ**»

Рассказ из **1-го тома** сборника короткой прозы

Из цикла «**Отцовские повести**»

ISBN 978-5-9907646-2-0

Издательство Фонда "Сталинград"

<http://alexey-pavlov.ru>

Литературный сайт Алексея Павлова

<http://lit-izdat.ru>

Издательство Фонда "Сталинград"

[Вернуться в начало](#)